

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15842

EDN: XPQDDW



От Пасхи к Рождеству: православный подтекст в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Г. В. Мосалева

*Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск, Российская Федерация)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается принцип универсализма православной России в романе «Война и мир», отразившем все основные православные субстанциальные символы и свойства. Это прежде всего соборность (через образы улья, русского гнезда, купола), восходящая к догмату Троицы, присущая как любимым героям автора в романе, так и ему самому. Толстой обозначил в романе одно из коренных свойств православной души — ее созерцательное уmonoстроение, проявляющееся через молитвенное обращение к Богу. В романе показаны разные типы святости: юродство (божьи люди), воинская святость на поле боя, мирское благочестие и подвижничество. Петербург предстает в романе как «чужой город», символом которого является масонский храм. Святая Москва в романе тождественна русскому православному космосу, простирающемуся за земные пределы. Тема Святой Москвы как воплощения Святой Руси поддерживается и развивается в романе многочисленными храмовыми мотивами и сюжетами, изображением знаковых событий в связи с церковными таинствами (крещение, причастие, отпевание, исповедь, венчание), храмовых и внехрамовых богослужений. Главным внутренним храмовым символом романа является образ Троице-Сергиевой Лавры и Святого Сергия. Все события разворачиваются в соответствии с церковным календарем. И хотя Толстой отдает предпочтение неофициальной народной религиозной праздничности (к примеру, Святкам в отличие от Рождества), главным архетипом романа является пасхальный. Несмотря на двойственность авторской точки зрения Толстого, распадающейся на сознательно-рациональную и архетипически-бессознательную, события в романе представлены из перспективы православного миропонимания.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, православная традиция, подтекст, символы и архетипы, универсализм

Для цитирования: Мосалева Г. В. От Пасхи к Рождеству: православный подтекст в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 243–264. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15842. EDN: XPQDDW

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15842

EDN: XPQDDW

From Easter to Christmas: The Orthodox Subtext in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace"

Galina V. Mosaleva

*Udmurt State University
(Izhevsk, Russian Federation)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article highlights the principle of universalism in Leo Tolstoy's depiction of Orthodox Russia in his novel "War and Peace," which reflected all the main substantial Orthodox symbols and properties. First and foremost, they includes conciliarity (through the images of the beehive, the Russian nest, the dome), which goes back to the dogma of the Trinity, inherent in both the author's favorite characters in the novel and the author's own consciousness. In the novel, Tolstoy outlined one of the fundamental properties of the Orthodox soul — its contemplative mentality, manifested through prayerful appeal to God. The novel reveals different types of holiness: foolishness ("God's people,") martial holiness on the battlefield, worldly piety and asceticism. St. Petersburg appears in the novel as a "foreign city," whose symbol is the Masonic temple. Holy Moscow in the novel is identical to the Russian Orthodox cosmos, which extends beyond the earthly limits. The theme of Holy Moscow as Holy Russia is supported and developed in the novel by numerous temple motifs and plots, depiction of significant events in connection with church sacraments (baptism, communion, funeral service, confession, wedding), temple and non-temple services. The main, internal temple symbol of the novel is the image of the Trinity-Sergius Lavra and St. Sergius. All events unfold according to the church calendar. And although Tolstoy prefers unofficial religious folk festivities (for example, Yuletide) to Christmas, the main archetype of the novel is Easter. Despite the ambivalence of Tolstoy's own point of view, which diverges into a consciously rational and archetypally unconscious elements, the events in the novel are presented from the perspective of the Orthodox worldview.

Keywords: L. N. Tolstoy, Orthodox tradition, subtext, symbols and archetypes, universalism

For citation: Mosaleva G. V. From Easter to Christmas: The Orthodox Subtext in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 243–264. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15842. EDN: XPQDDW (In Russ.)

По поводу рецепции православного подтекста романа «Война и мир» И. А. Есаулов в монографии «Категория соборности в русской литературе», изданной в Петрозаводском

университете в 1995 г., отмечал: «Несмотря на огромную литературу, посвященную анализу этого одного из вершинных для русской литературы произведений, его православный подтекст не только не описан, но и, можно сказать, даже не обозначен» [Есаулов: 83].

Спустя тридцать лет ситуация изменилась лишь отчасти. Прежде всего, за счет публикации работ, связанных с изучением эпопеи Л. Н. Толстого в контексте христианской традиции. Были восприняты и осмыслены в полной мере исследования Н. А. Бердяева [Бердяев, 1911, 1912], Н. Н. Страхова [Страхов], К. Н. Леонтьева [Леонтьев], Д. С. Мережковского [Мережковский] — представителей русской религиозной философии.

В постсоветской России одними из первых литературоведов, актуализирующих проблему рецепции православной традиции в романе «Война и мир», были И. А. Есаулов [Есаулов] и М. М. Дунаев [Дунаев]. В настоящий момент эта линия продолжается исследованиями А. В. Гулина [Гулин] и М. А. Можаровой [Можарова].

В данной статье мы ставим своей целью выявить православный подтекст романа «Война и мир» в контексте храмовых образов и литургичности (частично мы уже писали об этом в статьях: [Мосалева, 2021, 2023]). Нам представляется важным выяснить, что из всего православно-догматического тезауруса Л. Н. Толстой выбирает в качестве субстанциальных доминант, установить характер и сферу этого влияния, а также понять — является ли оно автономным, проявляющимся на уровне подтекста, для освоения которого нужно знать особый код или ключ, или всецелым, пронизывающим весь роман.

Известно, что Толстой не жаловал любые официальные, с его точки зрения, явления жизни: общественной, церковной, культурной. В «Войне и мире» одинаково немногочисленны описания как церковных праздников, так и праздников искусства (театральные представления, музейные посещения) (подробнее об этом см.: [Striedter]). Все, что проявляет себя с официальной стороны, Толстому казалось неискренним. И, напротив, все, что скрывалось глубоко внутри, все «душевно-телесное», по Д. Мережковскому [Мережковский], вызывало у писателя абсолютное доверие.

О переплетении внешнего и внутреннего в душе героя Толстого писал еще Н. Бердяев в работе 1912 г.: «Тайна обаяния толстовского творчества заключена в художественном приеме, составляющем его оригинальную особенность, — человек про себя думает и чувствует не то, что выражает вовне» [Бердяев, 1912]. Однако и несовпадение между внешним и внутренним мирами у Толстого не помешало проявиться в «Войне и мире» универсализму. Неслучайно «Войну и мир» Толстого называют «романом-космосом» [Гулин: 15] и даже «христианской эпопеей» [Линков: 102].

При всем своем мировоззренческом вольномыслии автор «Войны и мира» отразил в романе основные православные субстанциальные символы. Православную Россию, как и отдельную личность, Толстой предпочитает представить в ее внутренних свойствах: более душевных, чем духовных. К оценке событий и героев Толстой подходил с известной мерой:

«И нет величия там, где нет простоты, добра и правды» [Толстой; т. 6: 178].

Н. Н. Страхов эту нравственную меру назвал «русской формулой героической жизни» [Страхов: 353], «русским идеалом», перед которым «сломилась и померкла вся сила Наполеона и Наполеоновской Франции» [Страхов: 375]. Путь персонажа и историческое событие у Толстого измеряются именно этой формулой. Источник ее происхождения — православное мировоззрение. Среди субстанциальных православных свойств, отраженных в романе, на первое место, безусловно, выходит *соборность*, самым тесным образом связанная с догматом о Святой Троице — универсальная характеристика народа и личности [Есаулов].

Все любимые герои Толстого причастны соборности. Они в высшей степени индивидуальны и едины, насколько способны вместить в себя это свойство. Оставленную Москву автор сравнивает с «домирающим, обезматочившим» пчелиным ульем [Толстой; т. 5: 341]. «Роевая» философия Платона Каратаева происходит из начал соборности, хотя некоторые исследователи [Дунаев] считают иначе. Воплощением идеала соборности, орудием Божественного Провидения является гениально

созданный Толстым образ Кутузова — едва ли не лучший в романе. Другие любимые герои Толстого обретают или вырабатывают из себя должное (соборное начало) в процессе личного пути.

Монашески-мироотречный образ княжны Марьи, жаждущие правды Андрей и Пьер, лучшие представители «дурацкой ростовской породы» Николай и Наташа, как, собственно, и сам граф Илья; смиренные и кроткие Платон Каратаев, капитан Тушин, солдат Тимохин — во всех них проявляются свойства личности, выработанные православием. Платон умудряется даже «кругло» улыбаться. В этой метафоре улыбки отразилась православная теплота мирочувствия, округляющая все жесткие углы человеческих взаимоотношений.

Из православного корня у Толстого произрастает все скромное, незащитное, простое и незыблемое: любовь к родителям, к семье, к ближнему, прощение врагов, милость, благородство, великодушие, жертвенность, совесть. Все эти свойства коренятся в православной аскетической традиции возделывания в душе хриstopодобных качеств. Толстой сумел показать в художественном тексте мистический опыт «таинственного общения» человека с Богом. Молитва героя помогает писателю передать никому не видимую подлинную внутреннюю жизнь личности, все те же хриstopодражательные идеалы «простоты, добра и правды». У Толстого молятся Кутузов, княжна Марья, Наташа, Николай, Платон Каратаев, Пьер Безухов, даже Андрей Болконский. Молитва и богообщение — высшие духовные состояния героев, именно к ней, «а не к доводам разума прибегают все верующие толстовские герои (и думающие, и нерассуждающие) в самые высокие моменты своей жизни» [Можарова: 117]. Способность передать сокровенный опыт богообщения в художественном слове — редкое дарование. Но в русской классике оно повсеместно. И Толстой с его особой, по определению К. Н. Леонтьева, философией фатализма и филантропического пантеизма — тоже не исключение [Леонтьев].

В «Войне и мире» отражены разные типы русской святости: юродство (образы божьих людей), воинская доблесть на поле боя, мирское благочестие и подвижничество. Открывающаяся «петербургскими страницами» «Война и мир» — всецело «Московский роман». Тема противопоставления Петербурга

и Москвы в «Войне и мире» — одна из хорошо разработанных в критической литературе, но далеко не исчерпанных (см.: [Полтавец], [Иванова], [Лётин], [Ранчин]). Московская тема возникает именно в противовес петербургской. «Московиана» Толстого универсальна. Петербург как будто находится на другой планете, а из Москвы расходятся дороги во все концы вселенной, географической и инобытийной. Между Петербургом и Москвой (символом всей России) у Толстого проходит онтологическая граница. Весьма показательно, что, не упоминая ни одного петербургского православного храма, Толстой подробно изображает воздвижение масонского храма новыми приятелями-масонами Пьера: он-то и становится своеобразным *лжесимволом* Петербурга. Критически и иронически изображенное Толстым масонство — чужеродное национальному самосознанию явление, знак приверженности западной культуре.

В «Войне и мире» Толстой запечатлел образ *храмовой России*, отразив в романе главные храмы московской Руси, являющиеся ее сакральными символами. Тема *Святой Москвы* начинает проступать во втором томе в связи с бегством Пьера из Петербурга от изменницы-жены — в какой-то степени символизирующей и сам город, изменивший историческим идеалам Святой Руси. Автор подробно останавливается на влиянии московского ландшафта и нравов древней столицы на душу Пьера. После своей поездки по городу, во время которой он видит «Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами <...> площадь Кремлевскую...» [Толстой; т. 4: 303], перемещаясь от центра города к его периферии и наблюдая за московскими «стариками» и «старушками», Пьер ощущает, что вернулся домой.

Старики Толстого прекрасны и подобны старикам Рембрандта, находящимся в потоке света. «Старость», «дряблость», «ветхость», а с ними мудрость, естественность, доброта и детскость — любимые Толстым качества всех его идеальных «стариков»-мудрецов, любовно воплощенных им в романе. На вершине пантеона старцев у Толстого — историческая личность Кутузова, олицетворение вечной России, в художественном исполнении Толстого — библейский персонаж. На таковых нет закона: все, что ни сделает, — истинно. И сам

Пьер превращается в Москве в доживающего свой век старика-камергера, распознанного москвитями как свой. Иверская икона, как и Смоленская, — Путеводительницы. Они невидимо управляют путями любимых героев Толстого. Иверская икона — один из сакральных символов Москвы, «в окружении Иверской часовни располагается пантеон небесных покровителей Москвы», среди которых и преп. Сергей Радонежский [Лётин: 186]. Специально к Иверской тетушка Марья Дмитриевна Ахросимова везет Наташу и Соню, когда Ростовы приезжают к ней в гости. Тетушка приглашает Ростовых и к воскресной обедне в «свой приход Успения на Могильцах» [Толстой; т. 4: 346]. Несмотря на старания Марьи Дмитриевны, ее умение праздновать воскресные дни, Наташа остается безучастной к церковным впечатлениям в силу внутренних переживаний: неприяезда Андрея, неудачного визита к Болконским и, напротив, чрезмерного интереса к ней семейства Курагиных.

Духовное отрезвление Наташи происходит, тем не менее, в связи с храмом, с появлением чувства покаяния в ее душе из-за разрыва с Болконским. В обращении Наташи к Богу особую роль сыграла «отраднинская соседка» Ростовых Аграфена Ивановна Белова, приехавшая в Москву после переезда туда Ростовых «поклониться московским угодникам» [Толстой; т. 5: 75]. Аграфена Ивановна вызывает в памяти образ Агафьи Власьевны — няни Лизы Калитиной, руководившей ею на пути к вере. И сами Наташины ранние вставания по утрам в церковь, и ее молитвы к Богу подобны подвигам и новым чувствам Лизы «перед великим, непостижимым» [Толстой; т. 5: 76]. «Дворянское гнездо» Тургенева Толстой словно подправляет «Русским гнездом» «Войны и мира». Вершиной духовного состояния Наташи становится воскресный день, в который она причащается. Наташа боится, что «не доживет до этого блаженного воскресенья» [Толстой; т. 5: 76]. Именно причастие приносит Наташе желанное спокойствие, а не «последние порошки», прописанные доктором, довольство собой которого иронически изображает автор.

Иначе Толстой оценивает православные богослужения. Как правило, с позиции «чужого», внешнего взгляда. Торжественная литургия в главном храме русских царей — *Успенском соборе*

Московского Кремля — с присутствующим на ней государем и последующей давкой изображается Толстым иронически.

Однако в связи с Бородинским сражением тема *Святой Москвы* у Толстого приобретает особое звучание: национально-освободительное и сакральное, что проявляется в эпизоде вручения ультимативного письма генералом-адъютантом его величества Балашевым. Перед разрывом, закончившимся оскорблением генерала, Наполеон заводит речь о святости Москвы, спрашивая у него о количестве церквей в русской столице. Узнав, что их «более двухсот», Наполеон выражает свое непонимание:

«К чему такая бездна церквей?» [Толстой; т. 5: 33].

Балашев деликатно и с достоинством парирует: «Русские очень набожны», однако у Наполеона свое объяснение этому явлению:

«...большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа...» [Толстой; т. 5: 33].

Балашев почтительно возражает Наполеону:

«У каждой страны свои нравы» [Толстой; т. 5: 33].

В качестве примера европейской страны, где, как и в России, «много церквей и монастырей», Балашев приводит Испанию, намекая «на недавнее поражение французов» в ней [Толстой; т. 5: 33]. В контексте этого показательного разговора наглядно проступает авторская мысль о цивилизационном столкновении Запада и России, ее отстаивании своего самобытного духовного пути. В высказываниях о церквях и монастырях Наполеон предстает как богоборец, отрекающийся от общего для обеих стран христианского наследия, выступая сознательным врагом православной России.

Вступив в Москву, Наполеон обозревает ее с Поклонной горы. Для Наполеона Москва — азиатский город, он сравнивает ее с «восточной красавицей», лежащей «перед ним» [Толстой; т. 5: 338]: «...вот она лежит у моих ног, играя и дрожа золотыми куполами и крестами в лучах солнца» [Толстой; т. 5: 339]. В восприятии Наполеона проявляется чувственное языческое начало. Взгляд автора противопоставлен наполеоновскому.

Он исключительно одухотворен, и в авторском описании делается акцент на *чудесной* недоступности Москвы, живущей *своей* отдельной *космической* жизнью [Толстой; т. 5: 338]. Наполеон смотрит на Москву сверху вниз, но Толстой поднимает ее еще выше, на недостижимую для завоевателя высоту, к солнцу, возвышая над ним.

Дважды в романе речь идет о соборе Василия Блаженного, мимо которого, оставляя Москву, проходят русские войска [Толстой; т. 5: 344–345]. Автор приковывает внимание читателя к пророческим крикам сумасшедшего, выпущенного из желтого дома:

«Трижды убили меня, трижды воскресал из мертвых. Они побили меня камнями, распяли меня... Я воскресну... воскресну... воскресну» [Толстой; т. 5: 364].

Упоминание о знаменитом храме Василия Блаженного автор связывает с образом конкретного сумасшедшего, что способствует расширению храмового мотива и появлению идеи воскресения Москвы через ее гибель, соотнесенную с личностью Христа.

Одним из главных внутренних храмовых символов «Войны и мира» является Троице-Сергиева Лавра с ее основателем, «игуменом земли Русской» преп. Сергием Радонежским, предстающая перед читателем в начале четвертого тома. Путь Ростовых из Москвы лежит через Мытищи, Троицу и завершается Ярославлем, прообразуя троичный путь временного отступления из Москвы через исторические святыни Руси и возвращение в нее. Русский монастырь и у Толстого — хранитель Истины. В Мытищах Наташа встречается со смертельно раненным Андреем. Путь в Троицу через Мытищи выводит Ростовых на Троицкую дорогу. Близость Троицы словно обуславливает изменение устроения героев. В Мытищах Андрей обретает божеское чувство любви:

«Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета» [Толстой; т. 5: 400].

С внешней стороны Троица никак не выделена в повествовании. Описываются не лаврские соборы, не рака с преп. Сергием, а гостиница, где останавливается семейство Ростовых, причем

Наташа показательно не замечает отца-настоятеля, поднявшегося для благословения ей навстречу. Внимание настоятеля Троицы к Ростовым автор объясняет прагматическими причинами: они были «давнишними знакомыми и вкладчиками» отца-настоятеля [Толстой; т. 6: 35]. Поведение Наташи извинительно: она только что вышла «со взволнованным лицом» из комнаты Андрея и думает об одном: «Только бы он был жив» [Толстой; т. 6: 35]. Совет настоятеля «обратиться за помощью к Богу и Его угоднику» [Толстой; т. 6: 35] автор оценивает как проявление формализма. Вместе с тем жертвенная любовь Ростовых, гибель Пети, разоренье имения и прежней жизни являются отражением сюжета Троицы как воплощения божественной Любви.

Мотив куполов Новодевичьего монастыря неоднократно звучит в сюжете Пьера в плену, охватывающем три части. Монастырь словно участвует в жизни Пьера:

«Вблизи весело блестел купол Новодевичьего монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовест» [Толстой; т. 6: 40].

Монастырь является свидетелем и личного пути Пьера, и разоренья французами «русского гнезда» [Толстой; т. 6: 40], и казни ими военнопленных. Купола Новодевичьего монастыря являются символом-архетипом, пробуждая в находящемся в плену Пьере духовные силы, по сути, спасая его от гибели.

Разительным контрастом чувствам Пьера в следующей главе служит сцена, вызвавшая у русских пленных восклицания «ужаса и омерзения». Французы вымазали лицо мертвого человека сажей и поставили его «стоймя» у церковной ограды, у знаменитой церкви в Хамовниках, посвященной св. Николаю [Толстой; т. 6: 110–111]. Эпизоды глумления над верой, безжалостное отношение врагов России к побежденным — трансоисторичны, ими пронизаны летописи, хроники, жития, воинские повести на всем протяжении русской словесности от самого ее основания. Любопытна эволюция «французов» в эпосе Толстого: от фехтовальщиков (олицетворение элитарной искусственности) до «бешеной собаки», «бегущего раненого животного». Против французской шпаги Толстой выставляет «дубину народной войны».

Среди других Никольских храмов в романе фигурируют арбатский храм Николы Явленного и собор в Можайске — «ключ от древнего Кремля» (см.: [Иванова: 20]; см. также: [Ранчин]). Вообще, соотнесенное с Никольскими храмами значение имени «Николай» в романе Толстого приобретает сакральное значение. В «Войне и мире» существенна сюжетная роль трех Николаев: Болконского-старшего, Николая Ростова и сына Болконского Николеньки — героя эпилога. Денисов носит на своей груди образ святителя Николая. В романе Толстого три Николая представляют собой три различных эпохи, также прообразуя идею Троицы.

Помимо храмов-символов не единожды в романе упоминаются различные храмы по всей России, являющиеся значимыми местами событий, а в связи с ними и церковные службы и священники, церковные таинства (крещение, отпевание, исповедь, причастие, венчание). В воронежском храме за богослужением Николай Ростов осознает свою любовь к княжне Марье, восхищается ее молитвой и сам молится. Одним из видов православного внехрамового богослужения является крестный ход — значимый православный субстанциональный символ, указывающий на соборную Россию. В «Войне и мире» крестный ход с образом Смоленской Божией Матери, в котором вместе со всеми участвует Кутузов, является чрезвычайным: совершается накануне судьбоносного Бородинского сражения. Толстой описывает его, как и почти любую церковную службу, тенденциозно [Толстой; т. 5: 203–205]. Авторская оценка не совпадает с чувствами изображаемого автором верующего народа, и в силу своей субъективности превращается в одну из многих, не претендующих на истину точек зрения. Искренне молятся ополченцы, военные, и внимание Пьера привлекают именно они, а не два сатирически изображенных генерала. Взгляд Пьера мягче, чем авторский, хотя и Пьер в этой народной среде ведет себя как наблюдатель, правда, доброжелательный, стремящийся к единению с народом:

«...все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц» [Толстой; т. 5: 204].

А вот Кутузов — свой среди своих: солдат и ополченцев; он молится так же, как и они: просто, серьезно, искренне, по-детски [Толстой; т. 5: 206]. Молитва Кутузова и русской армии приуготовляет, несмотря на оставление ею позже Бородина, нравственную победу над врагом.

Рассмотрим последовательное развертывание православной картины мира в романе. Главная мысль первого тома движется по линии развития *от искусственности — к правде*. Символом искусственности, корпоративности, автоматизма, пошлости, гедонизма выступает Петербург с его салонной жизнью, ведущейся на французский манер. Первые страницы «Войны и мира» открываются аристократическим *suare* у Анны Павловны Шерер — воплощением всего искусственно-пошлого. Вечеринка у Курагина с ее культом опьянения и inferнальными играми смерти усугубляет линию искусственности параллелями с бесовскими оргиями. Противостоят этим европейским импортированным «праздникам» — именины Наташи у москвичей Ростовых, тихая цельная вера княжны Марьи Болконской, вера русских военачальников. Трогательно благословение Кутузовым на «великий подвиг» Багратиона:

«— Ну, князь, прощай, — сказал он Багратиону. — Христос с тобой. Благословляю тебя на великий подвиг» [Толстой; т. 3: 362].

Подлинное, доброе, тихое, искреннее, помнящее о Боге проявляется только здесь, крайне эпизодически и потому выделяется на общем фоне. Медальон со Спасителем — единственный иконический символ первого тома. Нет храмов, церковных служб, но есть теплота семейных связей, тихий внутренний мир и небо Аустерлица. Такова Россия Толстого до Бородина. Все подлинное — либо в семье, либо дальше от Петербурга, в среде апшеронцев, павлоградцев, среди Тушиных, Тимохиных, военных. Огромное значение имеет верность императору и любовь к нему Николая Ростова, хотя автор и считает государя недостойным этой любви. Иронический взгляд Толстого на восторженное поклонение Николая императору ничего не меняет. Любовь к императору Ростова разделяет Денисов, хотя и добродушно подшучивает над другом:

«Вот на походе не в кого влюбиться, так он в ца'я влюбился» [Толстой; т. 3: 472].

Подобная экзальтация, по Толстому, противоестественна и поэтому подготавливает катастрофу Аустерлица. Николай Ростова вместе с тем нельзя упрекнуть в корысти, его чувство к государю высоко и благородно. Любовь Ростова и армии к своему императору — залог устойчивости государственного организма [Анисимов].

Картина меняется во втором томе, открывающемся смертью и отпеванием «маленькой княгини» Лизы. События здесь развиваются под знаком **встреч и расставаний, поиска истины через ошибочные пути**.

Происходит встречное развитие пасхального и рождественского (святочного) архетипов. Умирает жена князя Андрея, но рождается их сын Николенька. Смерти героев чередуются с рождениями и рождения со смертями. Произвольный авторский вектор движения от Пасхи к Рождеству меняет свою траекторию независимо от авторской воли. Выбор Толстым Рождества, возможно, связан со страхом смерти, с идеей ее одоления не через трагедию Воскресения, а через счастье Рождества: Болконский у Толстого не воскресает, а рождается в жизнь вечную.

По частоте и значимости изображения православных праздников в «Войне и мире», казалось бы, доминирует Рождество Христово (десятая-двенадцатая главы второй и девятая-двенадцатая главы четвертой части второго тома). Но и в этом случае Толстой с особой симпатией изображает празднование Святков, делая акцент на неофициальной, народно-праздничной религиозности, противопоставляя ее официальной. Через Рождество Христово Толстой воплощает полноту физических и духовных сил народа, семейственности, а вместе с тем исторический поворот России к началам европейской жизни в ее земных формах, усвоение и одомашнивание западных архетипов. Пасха практически не изображается в «Войне и мире». Однако «кодом» этого романа, скорее всего, не осознаваемым и его автором, является все-таки *пасхальная идея — вечного обновления мира и души человеческой*.

За внешним планом названия романа выступают внутренние смыслы слов-антонимов: смерть и жизнь, міръ и мир, вражда и покой, зло и добро, ненависть и любовь. Вместе с автором каждый из героев Толстого пытается обрести евангельский Мир-Покой (εἰρήνη), противоположный Миру человеческому, страстному, Миру-Войне (κόσμος). Слово «мир» в названии романа, как известно, Толстой писал с восьмеричным «и». С благословением такого мира Христос обращается к своим ученикам: «Мир Мой даю вам» (Ин. 14:27); сравним и литургическое священническое благословение: «Мир всем» (Εἰρήνη πάσι). Не случайно князь Андрей перед своей смертью просит принести ему Евангелие.

Пасхальное разрешение конфликта между Россией и Европой символизирует сюжет по-христиански братского отношения Пети к французскому барабанщику Винсенту в последнем томе романа. Русские мужики и солдаты прозвали французского барабанщика «Висеней», а казаки — «Весенним», что косвенно ассоциируется с временем Пасхи:

«— Вам кого, сударь, надо? — сказал голос из темноты. Петя отвечал, что того мальчика-француза, которого взяли нынче.

— А! Весеннего? — сказал казак» [Толстой; т. 6: 148–149].

Петя просит у Денисова позволения накормить его, и Денисов приказывает дать ему водки, баранины и одеть в русский кафтан, «не отсылая с пленными» [Толстой; т. 6: 149], то есть оставить в своей среде. Мотив переодевания мальчика-француза в «свои» одежды символизирует скорое завершение войны. Для Денисова, как и для солдат, он «жалкий мальчишка», «мальчонка», достойный снисхождения и милости. Пасхальное время угадывается в мотивах обновления природы и души Болконского. В третьем томе время движется от Троицы и Петровского поста к Успению, в четвертом — от Успения Богородицы вновь к Рождеству.

В первой части эпилога события приходятся на канун зимнего Николина дня. Завершение пасхального архетипа эпопеи в финале вновь возвращается к Рождеству: к новым героям, к новой эпохе, к повторению человечеством пройденного. В этом векторе движения, возможно, проявляется известное

тяготение Толстого в «Войне и мире» к счастливым концам. Он словно бессознательно для себя ориентируется на философию западного эвдемонизма — благополучие и счастье.

Сюжеты главных героев третьего тома развиваются под знаком **выздоровления, освобождения от заблуждений, восстановления связи с Богом**. Путь обретения истины героями романа лежит через принятие страданий. Главным событием третьего тома является Бородинское сражение, обескровившее русскую армию и повлекшее вслед за этим неизбежность жертвы ради будущей победы — оставление Москвы.

Духовно чуткой, наряду с княжной Марьей, оказывается Наташа, открывая в церкви возможность изменения себя к чистой и счастливой жизни. Встреча княжны Марьи и Николая происходит при катастрофических обстоятельствах. Счастье у Толстого не подвластно злу. Смертельное ранение князя Андрея приводит его к свиданию с Наташей, прощению ее и примирению с ней и Богом. Самый извилистый путь у Пьера. Единственный герой, не знающий извилистых путей, — Кутузов. Не случайно «детскость» гения Кутузова сопоставляется Толстым с детскостью шестилетней Малаши.

Развитие сюжетной линии в четвертом томе романа проходит под знаком **освобождения героев из плена физического и духовного, обретения ими божественного мира и любви**. Мотив Троицы продолжается здесь сюжетной линией остановки Ростовых в Лавре. Драматические события русской истории приходятся на осень с ее началом нового церковного года, Рождеством Богородицы и Воздвижением Креста Господня — праздниками, внутренне связанными с событиями романа. Основными мотивами этого тома являются жертвенная любовь героев романа ради обретения божественной любви, единение всех в своей вере. Примирение с евангельской правдой обретает и князь Андрей, без сожаления расставаясь с земным миром. Если для И. Концевича «смерть князя <...> не христианская» в силу близости Толстого буддизму, восточным религиям и Шопенгауэру [Концевич: 17], то для К. Н. Леонтьева — это «поэзия и правда»: «Предсмертные дни князя Андрея и самая смерть его <...> превосходят неизмеримо все, что в этом роде есть у графа Толстого» [Леонтьев]. Прав И. Концевич в том, что

«искать по-своему» Бога Толстого заставлял «страх смерти» [Концевич: 19].

Вторая часть четвертого тома «держится» образом «дряхлого», «слабого», но молящегося Кутузова, знаменуя первичность духа над телом. Толстой изображает Кутузова как «пассивного» полководца, сберегающего свою армию от напрасных жертв, но активного в общении с Богом. Он не позирует, молча едет «на своей серенькой лошадке, лениво отвечая на предложения атаковать» [Толстой; т. 6: 87], ожидая подходящего момента. Всю ответственность за временное оставление Москвы Кутузов берет на себя. Все это время вплоть до освобождения Москвы Кутузов словно пребывает в особом мире и состоянии, близком к юродству. Радостную весть об уходе Наполеона из Москвы Кутузову пересказывает Толь. Кутузов просит позвать поскорее Болховитинова, привезшего это долгожданное известие:

«Болховитинов рассказал все и замолчал, ожидая приказания. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

— Господи, Создатель мой! Внял ты молитве нашей... — дрожащим голосом сказал он, сложив руки. — Спасена Россия. Благодарю тебя, Господи! — И он заплакал» [Толстой; т. 6: 123].

Это высшая точка романа. Пафос благодарения Кутузовым Бога автор останавливает на его молитвенном плаче — благодатном виде молитвы. Важно, что Кутузов говорит не только о своей молитве, а об общей, соборной, «нашей». Образ Кутузова как военачальника является архетипическим, продолжением образов идеального благоверного князя и православного царя, реализующих качества воина и священника. Таковы в древнерусской литературе святые Борис и Глеб, Александр Невский, Дмитрий Донской.

В первой части Эпилога разрешаются главные сюжетные линии. Это самая *свадебная часть* романа: брак Пьера и Наташи, Николая и Марьи. Мысль военная плавно перетекает здесь в мысль семейную, свидетельством чего является Дневник Марьи о воспитании. Проблематика открытого повествования

эпопеи трансформируется в жанры «закрытого» нарратива. Старое поколение (граф Ростов) уходит, на смену ему приходит новое и выбирает для себя свои авторитеты. Для сына Болконского идеалом становится Пьер Безухов, олицетворяющий пафос необходимости будущего преобразования России. Именно в связи с Пьером в эпилоге возникает вопрос о государстве, о роли тайных обществ. Идиллия обретенного мира разрушается. В дружной семье намечается линия будущего раскола: между Николаем и Пьером. Николай Ростов на протяжении всего романа сохраняет мировоззренческую твердость и устойчивость, его ценности не меняются: «...далеко не Ростов был зачинщиком конфликта в эпилоге "Войны и мира"» [Гулин: 60]. В *миру* постоянно сохранять свойство любви можно только в состоянии святости, пребывая в Христовом *мире*, поэтому завершение романа намеком на будущий конфликт естественно и правдоподобно. Человечество в реальной истории постоянно движется от войны к миру; в апокалиптической — от войны к войне.

Вторая часть Эпилога — свидетельство перетекания художественной литературы в историософскую, публицистическую; отмена художественности и выход за границы жанра. Вместо Промысла Божьего Толстой предлагает Закон необходимости, что представляет собой рационализацию идеи провиденциализма в истории. Рационалистичность, подчеркнутая субъективность авторской точки зрения в романе автоматически превращает ее в одну из многих, далеко не всегда истинных. В древнерусской литературе автор — передатчик Божественного Откровения, в литературе Нового времени этот принцип меняется, и «авторство» Толстого является ярчайшим свидетельством этого изменения, заявляющего о себе как единоличном распорядителе своего произведения. Стремление автора стать единственным «законником» в повествовании приводит к обратному: превращению его в один из «голосов» романа. Авторская точка зрения раздваивается на сознательно-рациональную и архетипически-бессознательную. Бессознательное начало по неведомым законам провиденциализма включает в себя и авторскую субъективность, подчиняя ее воле Творца. Авторский образ Толстого подобен образу

старика Болконского, говорящего «Бог тут ни при чем», тиранствующего над дочерью и лишь на смертном одре вдруг проявляющего свою любовь к ней, а тем самым и веру, скрываемые им на протяжении всей жизни.

Вместе с тем даже отказываясь от позиции «внутринаходимости» при изображении православных таинств и символов, постоянно подчеркивая свой личный особый взгляд на все события и явления, нередко весьма критический, Толстой сумел с нескрываемой теплотой передать веру православной России как главный источник ее красоты, силы и истины. Рецепция православного подтекста романа «Война и мир» тому явное свидетельство.

Список литературы

1. Анисимов П. Д. Николай Ростов в системе героев «Войны и мира» Л. Н. Толстого // «Война и мир» Л. Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные отечественной истории: мат-лы XVI Барышниковских чтений (Липецк, 24–25 октября 2019 г.). Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 14–20 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41253268_15539529.pdf (20.03.2025). EDN: MXPTVN
2. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1911_o_relig_soznanii.shtml (20.03.2025).
3. Бердяев Н. А. Л. Толстой [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_tolstoy.shtml (20.03.2025).
4. Гулин А. В. Роман-эпопея «Война и мир» как религиозно-поэтическое единство // Л. Н. Толстой: нравственный поиск и творческая лаборатория. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 14–65. DOI: 10.22455/LT-978-5-9208-0664-2-14-65. EDN: EWVQSI
5. Дунаев М. М. Л. Н. Толстой // Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6 ч.]. М.: Христианская литература, 2003. Ч. 4. С. 3–395.
6. Есаулов И. А. Идея соборности в романе Толстого «Война и мир» // Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 83–116.
7. Иванова Е. В. Образ Никольского собора в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Наука и школа. 2019. № 3. С. 19–22 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38512554_54385812.pdf (20.03.2025). EDN: GIWSLF
8. Концевич И. М. Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого. Мюнхен: Тип. обители преп. Иова Почаевского, 1960. 106 с.

9. Леонтьев К. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. (Критический этюд) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (20.03.2025).
10. Лётин В. А. Terra Moskovia: город как родовое пространство в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 2. С. 182–186 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2010_2ag/37.pdf (20.03.2025). EDN: MVMBUD
11. Линков В. Я. «Война и мир» Л. Толстого. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 103 с. EDN: RBBMDZ
12. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 622 с. (Сер.: Прошлое и настоящее.)
13. Можарова М. А. Тема веры и разума в «Войне и мире» и учение И. В. Киреевского о цельности духа // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 3. С. 94–120. EDN: YLGUQH
14. Мосалева Г. В. Храмовая поэтика метаромана И. А. Гончарова // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 3. С. 84–103 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2021-3-3/05_Mosaleva_84-103.pdf (20.03.2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2021-3-3-84-103. EDN: VQJKNP
15. Мосалева Г. В. Храмово-литургический канон в древней русской словесности: истоки и развитие // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2023. Т. 33. № 2. С. 326–334 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/8170/7036> (20.03.2025). DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-326-334. EDN: KKOVCW
16. Полтавец Е. Ю. Мифология Москвы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 137–145 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46651734_49614999.pdf (20.03.2025). EDN: IQDXYR
17. Ранчин А. М. Символика в «Войне и мире». Из опыта комментирования // Литература. 2005. № 17. С. 34–40.
18. Страхов Н. Н. Л. Н. Толстой // Страхов Н. Н. Критические статьи о И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. Репр. воспроизведение изд. 1895 г. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. С. 183–484.
19. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. / [под общ. ред. С. А. Макашина и Л. Д. Опульской]. М.: Правда, 1987. (Сер.: Библиотека «Огонек». Отечественная классика.)
20. Striedter J. Feste des Friedens und Feste des Krieges in “Krieg und Frieden” // Das Fest / herausgegeben von Walter Haug und Rainer Warning. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. S. 375–418. (Ser.: Poetik und Hermeneutik 14.)

References

1. Anisimov P. D. Nikolai Rostov in the System of Heroes of “War and Peace” by Leo Tolstoy. In: *“Voyna i mir” L. N. Tolstogo: dukhovnye konstanty i sotsial’nye peremennye otechestvennoy istorii: materialy XVI Baryshnikovskikh chteniy* (Lipetsk, 24–25 oktyabrya 2019 g.) [Leo Tolstoy’ “War and Peace”:

- Spiritual Constants and Social Variables of Russian History: Proceedings of the 16th Baryshnikov Readings (Lipetsk, October 24–25, 2019)*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2019, pp. 14–20. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41253268_15539529.pdf (accessed on March 20, 2025). EDN: MXPTVN (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. *Vetkhii i Novyy Zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo* [*The Old and New Testaments in the Religious Consciousness of Leo Tolstoy*]. Available at: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1911_o_religr_soznani.shtml (accessed on March 20, 2025). (In Russ.)
 3. Berdyaev N. A. *L. Tolstoy*. Available at: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_tolstoy.shtml (accessed on March 20, 2025). (In Russ.)
 4. Gulín A. V. The Epic Novel “War and Peace” as a Religious and Poetic Unity. In: *L. N. Tolstoy: npravstvennyy poisk i tvorcheskaya laboratoriya* [*Leo Tolstoy: Moral Search and Creative Laboratory*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 14–65. DOI: 10.22455/LT-978-5-9208-0664-2-14-65. EDN: EWVQSI (In Russ.)
 5. Dunaev M. M. *L. N. Tolstoy*. In: *Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaya literatura: v 6 chastyakh* [*Dunaev M. M. Orthodoxy and Russian Literature: in 6 Parts*]. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 2003, part 4, pp. 3–395. (In Russ.)
 6. Esaulov I. A. The Idea of Sobornost’ (Unity) in Tolstoy’s Novel “War and Peace”. In: *Esaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*Esaulov I. A. The Category of Sobornost’ in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, pp. 83–116. (In Russ.)
 7. Ivanova E. V. The Image of St. Nicholas Cathedral in L. N. Tolstoy’s Novel “War and Peace”. In: *Nauka i shkola* [*Science and School*], 2019, no. 3, pp. 19–22. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38512554_54385812.pdf (accessed on March 20, 2025). EDN: GIWSLF (In Russ.)
 8. Kontsevich I. M. *Istoki dushevnoy katastrofy L. N. Tolstogo* [*The Spiritual Tragedy of Leo Tolstoy*]. Munich, Printing House of the Monasteries of St. Job of Pochaev Publ., 1960. 106 p. (In Russ.)
 9. Leont’ev K. N. *O romanakh grafa L. N. Tolstogo. Analiz, stil’ i veyanie. (Kriticheskiy etyud)* [*About the Novels of Leo Tolstoy. Analysis, Style and Trend. (Critical Study)*]. Available at: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml (accessed on March 20, 2025). (In Russ.)
 10. Lyotin V. A. Terra Moskovia: a City as a Patrimonial Space in L. N. Tolstoy’s Novel “War and Peace”. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [*Yaroslav Pedagogical Bulletin*], 2010, vol. 1, no. 2, pp. 182–186. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/2010_2ag/37.pdf (accessed on March 20, 2025). EDN: MVMBUD (In Russ.)
 11. Linkov V. Ya. *“Voyna i mir” L. Tolstogo* [*“War and Peace” by Leo Tolstoy*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2003. 103 p. EDN: RBBMDZ (In Russ.)

12. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. *Eternal Companions*]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 622 p. (Ser.: Past and Present.) (In Russ.)
13. Mozharova M. A. The Theme of Faith and Reason in “War and Peace” and I. V. Kireevsky’s Teaching on the Wholeness of the Spirit. In: *Tolstoy i o Tolstom. Materialy i issledovaniya* [Tolstoy and About Tolstoy. *Materials and Researches*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, issue 3, pp. 94–120. EDN: YLGUQH (In Russ.)
14. Mosaleva G. V. Temple-Related Poetics of Goncharov’s Meta-Novel. In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2021, vol. 3, no. 3. pp. 84–103. Available at: https://rusklassika.ru/images/2021-3-3/05_Mosaleva_84-103.pdf (accessed on March 20, 2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2021-3-3-84-103. EDN: VQJKNP (In Russ.)
15. Mosaleva G. V. Temple and Liturgic Canon in Old Russian Literature: Origin and Development. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology], 2023, vol. 33, no. 2, pp. 326–334. Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/8170/7036> (accessed on March 20, 2025). DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-326-334. EDN: KKOVC (In Russ.)
16. Poltavets E. Yu. The Mythology of Moscow in “War and Peace” by L. N. Tolstoy. In: *Vestnik gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Vestnik of State University of Humanities and Technology], 2021, no. 3, pp. 137–145. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46651734_49614999.pdf (accessed on March 20, 2025). EDN: IQDXYR (In Russ.)
17. Ranchin A. M. Symbolism in “War and Peace”. From the Experience of Commenting. In: *Literatura*, 2005, no. 17, pp. 34–40. (In Russ.)
18. Strakhov N. N. L. N. Tolstoy. In: *Strakhov N. N. Kriticheskie stat’i o I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1895 g.* [Strakhov N. N. *Critical Articles on I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy. Reprint of the 1895 Edition*]. Izhevsk, Udmurt State University, 2011, pp. 183–484. (In Russ.)
19. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy: v 12 tomakh* [Tolstoy L. N. *The Collected Works: in 12 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1987. (Ser.: Biblioteka “Ogonek”. Otechestvennaya klassika.) (In Russ.)
20. Striedter J. Feste des Friedens und Feste des Krieges in “Krieg und Frieden” [Festivals of Peace and Festivals of War in “War and Peace”]. In: *Das Fest [Holiday]*. München, Wilhelm Fink Verlag Publ., 1989, pp. 375–418. (Ser.: Poetics and Hermeneutics 14.) (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (ул. Университетская, д. 1, корп. 2, г. Ижевск, Российская Федерация, 426034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Galina V. Mosaleva, PhD (Philology), Professor of the Department of History of Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (ul. Universitetskaya 1/2, Izhevsk, 426034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.07.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025